

Шао Ицянь взял бумажку и увидел, что на ней было написано имя — Лю Цзивэнь, а ниже длинный номер телефона. Внизу стояла надпись: «Прием утильсырья, с 12:00 до 13:00, по первому требованию».

Затем он снова задумался. Номер телефона есть, но у него нет телефона, так что это все равно что ничего. Неподалеку была телефонная будка, но звонок точно будет платным, а в этом месте, где даже пописать стоит пятьдесят центов, звонок может стоить ему всех его сбережений.

Он поблагодарил старика и подумал, может ли он, собирая мусор, постепенно приближаться к пункту приема? В конце концов, у него есть рот, можно спросить дорогу. Но, немного подумав, он понял, что это глупая идея. Далекая вода не спасет от жажды. Даже если он найдет пункт приема, он уже голоден до такой степени, что готов грызть подошву. Возможно, к тому времени, как он найдет пункт приема, он уже высохнет, как вяленое мясо, и его можно будет продавать в магазине.

В итоге он обменял полюаня на пачку сухой лапши, проглотил половину, а оставшуюся половину сложил и засунул в карман. Дети растут быстро, едят много и быстро голодают. Сухая лапша в желудке была как глоток слюны — никакой пользы.

Как говорится, когда не везет, даже вода в зубах застревает. Возможно, из-за того, что он давно не ел мяса, он умудрился прикусить губу, поедая лапшу, и теперь ему предстояло страдать от язвы во рту.

Он лизнул языком маленькую ранку во рту и мысленно подбодрил себя:

— Не плачь, слышишь! Кто плачет, тот черепаха!

В тот день он нашел еще кое-что — выброшенные картонные коробки из магазинов, которые валялись на обочине дороги. Он собрал их полный мешок, и груз стал еще тяжелее.

На следующий вечер случилось то, чего он больше всего боялся: пошел снег, и завыл северо-западный ветер. Шао Ицянь сидел в куче картонных коробок, слушая звуки снаружи, и сердце его колотилось. Не зря северо-западный ветер дул так сильно — он ждал его.

Как это называется?

А, «тигр, попавший на равнину, становится добычей собак».

И название улицы подходящее — улица Пинъян.

Шао Ицянь:

«...»

Он сидел, свернувшись в клубок, но холод проникал в каждую косточку, и это было невыносимо. Он встал, чтобы размяться, пробежаться, но только встал, как сзади раздался громкий окрик:

— Кто здесь?!

Полицейский в форме появился из переулка, размахивая дубинкой. Шао Ицянь прищурился и, инстинктивно подняв руки, быстро сказал:

— Дядя полицейский, я не плохой!

Полицейский подошел, осмотрел его и равнодушно спросил:

— Почему ты так поздно не дома? Что ты здесь делаешь?

Шао Ицянь, дрожа, опустил руки и быстро сообразил:

— Я живу возле завода по переработке отходов, я вышел и заблудился.

Полицейский взглянул на его одежду: на школьной форме было написано «Центральная начальная школа деревни Саньцзян», на штанах были дыры, на одном ухе уже появились обморожения, черно-красно-фиолетовые пятна начали заживать. Он явно не поверил его истории и, скрестив руки, пригрозил:

— Если не скажешь правду, мы отправим тебя в приют.

Шао Ицянь имел представление о приюте — это место, где собирают бездомных, и условия там ужасные. Там могут живого сделать мертвым, а мертвого — живым. Он испугался, побледнел и повторил:

— Правда, я не вру.

Полицейский схватил его за воротник и потянул за собой, бормоча:

— Пошли, в приют, депортация! Новый год на носу, строгие проверки! Сколько можно с этими проблемами! Дома не сидится, тут ветер глотаешь...

Шао Ицянь попытался укунить его за руку, но не успел, как сзади раздался знакомый голос:

— Ты, заяц! Мать тебя только поругала, а ты, видите ли, обиделся? Играешь в побег?!

Затем появился тот странный уборщик, которого он видел утром, с мешком бутылок и банок. Он подошел, встал рядом и, недолго думая, шлепнул Шао Ицяня по затылку, разозлившись:

— Ну и выдумщик!

Шао Ицянь не понимал его намерений.

«Этот человек может быть мошенником».

«В приюте можно умереть».

Эти две мысли смешались в его голове, и он не знал, кому верить. Если он выберется из одной беды, чтобы попасть в другую, то лучше остаться в первой.

Уборщик дружелюбно пожал руку полицейскому, улыбаясь:

— Товарищ, это мой маленький хулиган, поспорил с матерью и сбежал. Я его заберу.

Полицейский осмотрел его и ушел.

Лю Цзивэнь обернулся, и ребенок, настороженный, прижался к стене, широко раскрыв глаза, не сводя с него взгляда.

За ним был целый склад хлама — пустые бутылки из-под пива.

— Встретились, поделим...

— Мечтай!

Шао Ицянь, как мать, защищающая своего детеныша, охранял свои трофеи, лицо его искажилось, но на самом деле он был напуган до смерти.

Лю Цзивэнь не стал с ним спорить, схватил его за шею и оттащил в сторону:

— Не просто так.

Он прикинул стоимость всего этого хлама: сто сорок девять бутылок, еще картонные коробки, взвесил их на глаз — около десяти юаней. Вместе все это стоило двадцать четыре юаня и девяносто центов.

Он сказал, что это двадцать четыре юаня и девяносто центов, и ни цента больше, долго копался в карманах, пока не нашел в каком-то уголке четыре монетки по десять центов.

Шао Ицянь усмехнулся:

— ...И что из-за одной монетки?

Лю Цзивэнь покачал головой, как будто это было что-то невыразимое:

— У меня просто не хватает одной монетки.

Шао Ицянь:

«...»

Ага, целое состояние.

Лю Цзивэнь стоял спиной к свету, а Шао Ицянь — лицом. Он увидел, что у этого парня лицо серое, губы белые, глаза в кровяных прожилках — явные признаки недоедания и недосыпания. Но в его взгляде была решимость, граничащая с готовностью умереть. По какой-то причине Лю Цзивэнь почувствовал жалость.

Как говорится, «все мы странники в этом мире, и не важно, знакомы ли мы». Они оба собирали мусор, и это было какое-то странное совпадение. Он достал из кармана маленький кусочек шоколада, насильно сунул его в рот Шао Ицяню, вытащил из его руки один юань, помахал им и ушел.

Шао Ицянь опешил и крикнул:

— Эй! Я не просил твоих конфет!

Скряга! Но теперь у него были деньги на еду. Шоколад медленно таял во рту, и сладость наполнила его горло. Он даже кашлянул. Голод обострил его вкусовые рецепторы, и он подумал, что этот шоколад был просто прекрасен.

Настолько прекрасен, что он запомнит его на всю жизнь.

На следующее утро он проснулся от урчания в животе, ноги были ватными, но желание поесть все еще подталкивало его к ларьку с лепешками.

Он держал горячую лепешку, присел у стены храма и нервно смотрел на дорогу перед собой, не едя. Мысли крутились в голове, пока не свелись к одной короткой фразе:

«...Не хочу жить».

Раньше, дома, у него всегда была еда, даже если свиной хвостик доставался Янь Яню, он не голодал до зеленых глаз. И ночью он не должен был прислушиваться к каждому шороху.

Но... все, к чему он привык, что считал вечным, ушло. Эти вещи стали частью его, и, лишившись их, он потерял половину себя. Он чувствовал себя настоящим подлецом.

Любая настоящая ценность осознается только после потери, и именно потому, что она была, сейчас все эти перемены кажутся такими горькими.

Шао Ицянй подумал и понял, что не боится. Если бы у него был еще один шанс, он научился бы ценить, но такого шанса не будет. Он пойдет вперед и, как хотела бабушка Шао, научится быть хорошим человеком.

<http://bllate.org/book/16843/1549763>